

Заходящее осеннее солнце окрашивало поредевший перелесок в багровые, почти зловещие тона. Иньчжэнь тоскливо огляделся и горько усмехнулся.

Пусть в конце пути он и предал когда-то Восьмого брата и остальных, но сейчас, в новой жизни, это заброшенное место оставалось единственным прибежищем, куда стремилась его израненная душа. И что же в итоге?

«Четвертый брат! Юнчжэн! Какая же у тебя черная, беспощадная душа!»

Когда-то здесь стоял неприметный дворик — настолько крошечный, что случайный путник принял бы его за обычную охотничью сторожку. Иньчжэнь до сих пор помнил свой первый приезд сюда. Застыв перед низким бамбуковым плетнем, он тогда долго недоумевал: неужели эта скромная обитель действительно принадлежит Девятому брату, Иньтану, чье богатство и страсть к роскоши вошли в поговорку? Если бы не челядь, вовремя выбежавшая навстречу, он бы дотемна плутал среди этих сопков.

То была простая бамбуковая хижина. Никаких изысков, лишь строгая простота природы вокруг да изящные вещицы внутри, подобранные с безупречным вкусом. Но главным сокровищем этого места оставался покой — редкое, почти невозможное для них ощущение свободы.

Иньчжэнь сделал несколько шагов вперед, ведомый смутными воспоминаниями. Казалось, протяни руку — и вновь увидишь, как Девятый брат, всегда такой гордый, заливается краской от их с Десятым подтруниваний, а Восьмой брат, устроившись в изящном бамбуковом кресле, мягко улыбался за чашкой чая...

Теперь же перед ним расстилалась унылая, поредевшая пустошь. Ни единого следа бывшего уюта. Даже сопровождавшие его слуги недоуменно переглядывались, не понимая, зачем молодому господину понадобилось ехать в эту глушь.

Все стерто. Выжжено дотла.

Иньчжэнь стиснул кулаки до белизны в суставах. В его груди клокотала ярость, но раскаяния не было. Даже теперь, зная, к какому краху привела их та схватка, он ни на йоту не сожалел, что когда-то остался в стороне, и тем более не раскаивался в собственной попытке занять трон. Они все были сыновьями Неба, в чьих жилах текла кровь золотого дракона — так с какой стати он должен был уступать без боя?

Годы, проведенные у императорских гробниц под фактическим арестом, стали нескончаемой пыткой. Иньчжэнь без конца прокручивал в голове прошлое, и это самоистязание неожиданно помогло ему разобраться в себе.

Тогда, в годы великой смуты, при упоминании «партии Восьмого принца» все без исключения вспоминали Девятого и Десятого братьев. Опорой же Четвертого неизменно считался Иньсян. Восьмого, Девятого и Десятого связывала искренняя, зародившаяся еще в детстве дружба.

Иньсяна же позже воспитывала их общая матушка, что сблизило его с Юнчжэнем.

«Какая трогательная братская верность!» — язвительно подумал Иньчжэнь.

А кем среди них был он сам? В удушающих стенах Запретного города ему просто хотелось тепла. Он не желал оставаться в одиночестве. Но разница в возрасте пролегла между ними неодолимой пропастью. В Императорской школе Восьмой брат опекал его, выказывая неизменное расположение, однако юный Иньчжэнь так и не смог стать частью того нерушимого союза трех старших принцев.

С другой стороны, Иньсян, с которым они росли бок о бок, вечно упрекал его за холодность к родному брату — Четвертому принцу. Сам же Четвертый брат, вечно замкнутый и суровый, никогда не искал чужого тепла. Он лишь бесстрастно наблюдал, как его младшие братья осыпают друг друга колкостями при каждой встрече.

В те годы Иньчжэнь был слишком горд и упрям. Он позволил обидам сожрать те крохи родственной любви, что еще оставались между ними, пока кровные узы не истончились до предела, оставив лишь пропасть.

И их матушка, упрямо выделявшая его среди прочих сыновей... Она осыпала его милостями, словно назло старшему брату, открыто демонстрируя свое предпочтение. Иньчжэнь прикрыл глаза. Была ли в ее слепой любви тайная корысть — желание уязвить Четвертого принца? В юности он гнал от себя эти мысли, но теперь понимал: его просто использовали. Какая нелепая, уродливая правда.

Когда его земной путь подошел к концу, он думал, что обретет долгожданный покой. Мечтал забыть все как страшный сон. Но судьба распорядилась иначе, подарив ему новую жизнь в теле собственного внучатого племянника. Четвертый принц Юнчэн — надо же, четвертый сын Хунли! Какая злая ирония. Единственным утешением было то, что его нынешние братья по старшинству не совпадали с его прежними врагами и союзниками.

Подав знак слугам остаться на месте, Иньчжэнь медленно углубился в чащу.

Там кто-то был.

Иньчжэнь машинально положил руку на рукоять короткого меча у пояса. Сердце забилось чаще, отдаваясь глухим стуком в ушах. Сдерживая дыхание, он бесшумно заскользил между деревьями навстречу смутному силуэту.

Расстояние сокращалось. Незнакомец стоял спиной к нему. На нем было легкое одеяние цвета лунного камня, а хрупкая фигура выдавала человека, далекого от ратных утех.

Шаг, еще один. До слуха долетел тихий, прерывистый шепот:

—... Иньтан... Инь-э...

Голос показался чужим, но эти имена...

Иньчжэнь замер как вкопанный. Он опустил ногу, тяжело придавив сухие листья. В абсолютной тишине осеннего леса этот резкий хруст прозвучал подобно выстрелу.

Незнакомец резко обернулся:

— Кто здесь?!

Иньсы окинул взглядом безрадостную пустошь. Горечь и обида душили его. Пусть Четвертый брат стирал память о них по всей стране, но осквернить это святилище было верхом жестокости! Ведь этот крошечный уголок подарил ему Иньтан. Девятый брат сам планировал постройку, продумывая каждую деталь бамбуковой хижины. Даже такую малость Юнчжэн не пожелал им оставить!

Иньсы тяжело дышал от гнева.

Внезапный хруст за спиной заставил его вздрогнуть. Кто еще мог прийти в этот Богом забытый лес?

Иньсы резко развернулся. Перед ним стоял бледный юноша в богатом сапфировом халате.

«Юньчэн?» — мгновенно всплыло в памяти имя четвертого принца. Иньсы внутренне подобрался. Зачем этот юнец явился сюда? Неужели... неужели в его теле тоже скрывается мятежная душа из прошлого? Иньтан? Или Инь-э?

— Восьмой брат?.. — едва слышно, прерывающимся от волнения голосом позвал юноша.

Иньсы вгляделся в чужие черты, пытаясь сквозь маску новой плоти рассмотреть знакомый упрямый прищур. Надежда отыскать Иньтана угасла, уступив место горькой иронии.

Он едва заметно улыбнулся.

— Надо же, Четырнадцатый. Столько лет прошло, а ты все тот же.

Эти прохладные, отстраненные слова заставили Иньчжэня побледнеть еще сильнее. Горло перехватило, он не мог вымолвить ни слова, лишь шептал, точно в бреду:

— Восьмой брат... Восьмой брат...

Иньсы покачал головой. Глядя на растерянного, точно потерявшего душу брата, он невольно вспомнил того дерзкого мальчишку, который когда-то с тайной завистью наблюдал за их неразлучной тройцей. Сердце защемило от нахлынувших чувств. Вздохнув, Иньсы мысленно махнул рукой на прошлые обиды. Все ушло. Стоит ли ворошить пепел?

Он подошел ближе и мягко коснулся плеча младшего брата. В его улыбке наконец проглянуло прежнее тепло.

— Ну же. На улице стужа, чего ты застыл как изваяние?

Иньчжэнь вздрогнул. Потянувшись к старшему брату, он робко ухватился за край его широкого рукава и замер, опустив голову. Он изо всех сил сжимал челюсти, боясь расплакаться. Сейчас этот взрослый юноша выглядел точь-в-точь как обиженный ребенок.

Иньсы отвел взгляд, давая брату справиться с чувствами, но с места не сдвинулся, позволяя крепко держать себя за рукав. Лишь спустя долгое время он мягко увлек его за собой к выходу из леса.

Слуги, дожидавшиеся у опушки, наконец вздохнули с облегчением. Чуть раньше, заведя чужую кавалькаду, обе группы не на шутку перепугались, приняв друг друга за разбойников. Они уже приготовились к бою, но при ближайшем рассмотрении признали императорские ливреи. Сумерки стремительно сгущались, и перепуганные слуги успели призвать на помощь всех богов и будд. Стоило молодым господам показаться на тропе, как верные евнухи с причитаниями бросились им навстречу.

Что же до странного вида Четвертого принца, который, точно побитый пес, плелся за Шестым, судорожно вцепившись в его рукав... Помня о суровом нраве своих хозяев, слуги мгновенно ослепли и оглохли.

«Темно уже, ничего не видать!» — безмолвно решили они.

Иньсы покосился на младшего брата, который так и не выпустил шелк его одежд, вздохнул и поднялся вслед за ним в карету Четвертого принца. Там он устроился на сиденье и прикрыл глаза, погрузившись в молчание.

Задержав плотный полог, Иньчжэнь обернулся. Увидев безмятежный, отстраненный лик старшего брата, он ощутил укол раскаяния в самое сердце. Он выглядел измученным. Он опустился на колени прямо на устланный коврами пол кареты:

— Восьмой брат... прости меня. Твой ничтожный брат виновен перед тобой.

Иньсы хотел было сдержать гнев, остаться холодным, но, открыв глаза и увидев робкий, молящий взгляд Четырнадцатого, смягчился. Глупо отрицать очевидное: что мог сделать

Четырнадцатый против железной воли Юнчжэня? Если бы Иньчжэнь попытался вмешаться, жестокий узурпатор просто сгноил бы его в тюрьме на пару лет раньше. И все же давняя обида саднила душу. Ведь он, Иньсы, никогда ни в чем не отказывал младшему брату! Почему же тот не возвысил голос в его защиту?

Но память услужливо воскресила образ юного Четырнадцатого, бледного как полотно после жестоких побоев, нанесенных по приказу венценосного отца...

Что толку судить былое? То, что они встретились в этом чужом мире, уже само по себе великое чудо.

Иньсы глубоко вздохнул и крепко взял брата за плечи, побуждая подняться:

— Ладно. Все, что осталось в прошлой жизни... пусть там и покоится. Сегодня мы начнем сначала.

Свинцовая тяжесть, годами давившая на грудь Иньчжэня, наконец бесследно исчезла. Слезы облегчения хлынули из глаз. Он крепко обнял старшего брата, беззвучно сотрясаясь от рыданий.

Иньсы прижал его к себе, откинувшись на мягкую спинку сиденья. Глупо притворяться, будто он совсем позабыл былые обиды. Но ведь и Четырнадцатому в его изгнании пришлось несладко. К тому же в меру своих скромных сил он все же пытался облегчить их участь... Старые счеты запутались слишком сильно, чтобы искать в них правых и виноватых. Да и братская любовь тех лет не была обманом.

«Пусть все уходит», — отрешенно подумал Иньсы.

Обитель принцев

Иньчжэнь — ныне Одиннадцатый принц Юнсин — вновь пробудил к жизни тайную организацию «Кровавые капли», которую когда-то упрятал от посторонних глаз и так и не передал своему преемнику Хунли. Несколько преданных лично ему соглядатаев все еще оставались в дворцовых стенах. Глядя на этих изборожденных морщинами, постаревших слуг, Иньчжэнь молча слушал их доклады обо всем, что произошло в Поднебесной за годы его отсутствия.

Время никого не щадило — многих из его старых верных псов уже не было в живых. Иньчжэнь подавил мимолетный вздох сожаления и без промедления перешел к делу, дотошно расспрашивая о нынешних императорских сыновьях. В заключение он приказал шпионам в кратчайшие сроки восстановить осведомительскую сеть во всем Запретном городе. Старая

привычка самодержца не позволяла ему мириться с тем, что нити управления ускользают из его рук.

Родня его нынешнего тела оказалась на редкость хваткой. Палата императорского двора, влиятельный клан из сословия дворцовых слуг-баои... На мгновение Иньчжэнь словно вернулся в те смутные дни, когда он только взошел на престол, окруженный кольцом недоброжелателей и интриганов.

В это же время в своих покоях Иньсян — ныне Восьмой принц Юнсюань — сидел в глубоком кресле. Он так сильно дрожал, что едва удерживал увесистый исторический фолиант. Верный слуга Чжэн Янь, лично отобранный для него покойной Императорской благородной супругой Шуцзя, пользовался у молодого господина особым доверием. Заметив его состояние, евнух набрался смелости и тихо заговорил:

— Ваше Высочество, позвольте мне убрать эту летопись от греха подальше. Не ровен час, кто-нибудь увидит ее у вас, истолкует превратно, и тогда беды не обернутся.

Иньсян медленно поднял голову. Его взгляд, устремленный на слугу, был абсолютно пустым и отрешенным. Чжэн Яню стало не по себе. С тех пор как Одиннадцатый принц очнулся после болезни, его хозяин сделался сам не свой. Он приказал разыскать летописи последних десятилетий, хроники правления... Окажись эти бумаги в чужих руках, недоброжелатели мигом состряпали бы донос о заговоре.

Спустя долгую минуту Иньсян опустил взгляд. С тихим шорохом книга полетела прямо в руки обливающегося холодным потом евнуха.

— Сожги, — негромко приказал Иньсян. — И смотри, чтобы не осталось ни клочка.

— Слушаюсь, господин, — пролепетал Чжэн Янь и спешно попятился к выходу, непрерывно кланяясь.

Иньсян тяжело перевел дыхание. Поднявшись с кресла, он подошел к окну и застыл, заложив руки за спину. Бесстрастная маска, которую он так тщательно оберегал, дала трещину, обнажив горькую гримасу.

«В императорском роду нет места любви и состраданию. Лишь вечный холод. Видно, такова моя кара...»

Он опустил голову и принялся разглядывать свои тонкие, юношеские ладони. Возможно, это чудесное спасение из когтей смерти было вовсе не благословением небес, а самым изощренным наказанием.

Дворец Небесной Чистоты

Император Канси, ныне пребывающий в теле своего преемника Хунли, задумчиво перебирал в памяти события, последовавшие за его кончиной. Он холодно и зловеще усмехнулся.

«Старый Четвертый... Надо же, как ловко ты водил меня за нос! "Служба прилипающих шестов"... "Кровавые капли"... Кто бы мог подумать, что под маской благочестивого буддиста скрывается столь расчетливый кукловод!»

В груди Канси вскипел праведный гнев обманутого родителя. Но стоило ему вспомнить, какая участь постигла остальных его сыновей, как ярость сменилась глухой, давящей тоской. Четвертый и Тринадцатый сгорели на работе, надорвав здоровье государственными заботами. Третий, Восьмой, Девятый... Почти все они окончили свои дни в глухих застенках под домашним арестом.

Гнев и глубокая скорбь сплелись в его душе в тугой узел. Канси тяжело вздохнул и покачал головой. Каким бы жестоким и подозрительным ни был его преемник, одно оставалось неоспоримым: как государь Четвертый принц оказался безупречен.

Подавив нахлынувшие чувства, Канси отдал несколько указов, касающихся обустройства молодых принцев — как-никак, все они приходились ему родными внуками. Немного подумав, он велел тайно вызвать к себе главу Службы прилипающих шестов.

«Этот соплук Хунли совсем обленился и растерял хватку своего отца, — с презрением подумал Канси. — Истинный правитель должен мертвой хваткой держать бразды правления. Иметь под рукой столь совершенное оружие и не пользоваться им... Какая непростительная глупость!»

Поместье Фуча

В роскошных покоях усадьбы Хунси в ярости швырнул об пол драгоценную чашу. Тонкий фарфор со звоном разлетелся на тысячи осколков.

— «Кровавые капли»?! «Великий лебедь»?! Ха-ха-ха! — Его безумный, торжествующий смех эхом разнесся под высокими сводами. — Все здесь! Все до единого! И надо же — снова пригрелись у самого трона! Что ж, тем лучше! В прошлой жизни у меня не хватило сил раздавить вас, твари. Но теперь... Теперь вы сполна познаете ту муку, на которую обрекли меня и моих близких!